

Мария Воронова

АПЕЛЬСИНОВЫЙ
СОК

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Апельсиновый сок / Мария Воронова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352.

ISBN 978-5-04-242643-8

Крупный шрифт — для комфортного чтения по любви.

Веронике тридцать с хвостиком. Она — большой медицинский начальник, ее жизнь подчинена строгому распорядку. Каким-то образом распорядок нарушается... подчиненным — неким Лукой, заведующим АХЧ заштатной больницы. Вероника окунается в атмосферу любви, музыки, чувствует себя счастливой!

Однако жизнь всегда сложнее наших представлений: порой кажется, что есть люди, не созданные для счастья... Но луч надежды всегда пробьется — в самый неожиданный момент.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242643-8

© Воронова М. В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Я ненавижу апельсиновый сок!

Такая тоска берет от вида высокой глиняной кружки, которую каждое утро я наполняю до краев свежесжатым соком. Кто сказал, что сок нужно пить из кружки? И что кружка должна быть высокой, узкой и обязательно глиняной? Неизвестно почему, но однажды я решила, что это важно. И вот уже много лет каждое утро меня ждет одно и то же: сок и черный кофе в микроскопической чашке, по форме напоминающей коньячный бокал. Кофе я тоже не люблю, просто так принято в хорошем обществе, к которому я себя причисляю.

Правильный завтрак — прелюдия дня, потом меня ждет такой же правильный обед и ни в коем случае не позднее шести вечера ужин. Еще меня ждет престижная и хорошо оплачиваемая работа, где приходится перебирать кипу бумаг, такую же неизмен-

ную и ложно-многозначительную, как кружка апельсинового сока. После службы по четным числам два часа в фитнес-клубе, а по нечетным — поход по магазинам, уборка или отдых перед видеком. В выходные — приезд любовника или поездка в Питер к нему же. Но чертов сок настолько поработил меня, что, и проснувшись утром в Диминой постели, я первым делом хватаюсь за соковыжималку.

«Так все и будет, пока ты не сдохнешь, — говорит мне кружка каждый раз, — я не покину тебя до глубокой старости, пока врачи не запретят тебе апельсины. Тогда я, так и быть, от тебя отстану, но, увы, будет слишком поздно что-то менять. В твоём ухоженном теле, которое ты так лелеешь, никогда не зародится новая жизнь. Это тело дивной красоты состарится и умрет, заботливо подпитываемое правильными продуктами, но ни один мужчина не будет вне себя от счастья, прижав тебя к своей груди. Ты — красивая, подтянутая, самостоятельная, доброжелательная, любящая и бог знает какая еще — оказалась никому не нужна...»

Я хочу разбить мерзкую кружку, швырнуть об стену, чтобы осколки разлетелись во все стороны, но что изменит этот отчаянный бунт? Даже если я никогда больше не возьму в рот ни капли сока,

прекрасный принц не придет и не освободит меня из заточения. Куда бы я ни бежала, стены своей тюрьмы я возьму с собой. Тюрьмы, в которую я посадила себя много лет назад, думая, что она спасет меня от прежней Вероники. А теперь я думаю, что прежняя Вероника была, может быть, вовсе не так отвратительна... Но она не вернется, даже если я этого очень захочу. Она не вернется.

Каждый раз, собираясь на фитнес, Вероника Смысловская гадала, встретит ли она Марьяшу. «Хоть бы сегодня пронесло», — мечтала она, укладывая в стильный рюкзачок спортивный костюм и принадлежности для душа. В министерстве она всегда выдерживала строгий деловой стиль, зато отводила душу в спортклубе, являясь туда в спортивно-мальчишеском облачении. Кроссовочки, короткие джинсики «от долгов бегать», красная куртка в талию и легкомысленный рюкзакишко помогали ей выглядеть совсем юной, и Вероника, пока шла на фитнес, собирала неплохой урожай заинтересованных взглядов мужчин всех возрастов. Иногда с ней пытались познакомиться молодые парни, что, разумеется, бодрило, но стоило в раздевалке появиться грузной фигуре Марьяши, облаченной в небесно-голубые

джинсы со стразами и кофточку, непременно яркую и цветастую, как от хорошего настроения не оставалось и следа.

Марьяша между тем считала себя лучшей Вероникиной подругой. Заведующая гинекологическим отделением одной из престижных московских больниц, она дружила со Смысловской не потому, что та служила в министерстве и могла быть Марьяше полезной, а по старой памяти: когда-то они работали вместе, потом много лет ничего не знали друг о друге, пока не встретились на научно-практической конференции.

Если бы не Марьяшин напор, Вероника свела бы общение к нулю, но тайфун остановить невозможно. Подруга принадлежала к той категории людей, которые ни секунды не могут усидеть на месте.

Вечно ей нужно было куда-то спешить: на распродажу, где можно купить дубленку почти даром, красить кухню у таинственного Ивана Ивановича, который был известен Марьяше только тем, что самостоятельно не мог с этим справиться... В сладкое субботнее утро Марьяша могла вломиться к Смысловской с требованием немедленно ехать на дачу дышать свежим воздухом. И Вероника покорно посещала распродажу, где убеждалась, что дубленки редкое

дерьмо, хоть и даром, неумело красила стены и честно пыталась расслабиться в шезлонге в Марьяшином саду, в то время как хозяйка вскапывала грядки не хуже бульдозера. «Она же в гости меня пригласила, ни за что не буду грядки копать», — убеждала себя Вероника, однако вставала и принималась за работу.

Иногда ей казалось, что Марьяша нарочно опекает ее, наслаждаясь сознанием того, что у нее, толстой и некрасивой, жизнь сложилась в сто раз лучше, чем у эффектной Вероники. Вероника пыталась отвоевать у Марьяши роль старшей подруги, платила за нее в кафе на правах более состоятельной женщины, пеняла на отсутствие вкуса в одежде и доисторическое мелирование: красить волосы с помощью шапочки, когда весь мир давно перешел на фольгу, — варварство!

Но на Марьяшу эти шпильки, замаскированные под добрые советы, совершенно не действовали. Прослушав Вероникину лекцию о хорошем вкусе, она ехала на вещевой рынок, где безошибочно выбирала самую аляповатую тряпку. При виде ярких цветочных узоров Марьяша теряла способность здраво рассуждать.

Ей все равно, как она выглядит, понимала Вероника, в глазах мужа она всегда самая красивая.

А деньги... Да, я гораздо богаче ее, но на все мои сбережения мне не купить Марьяшиного счастья.

Временами ей больно было смотреть на подругу. «Господи, почему?! — хотелось ей спросить. — Почему ты дал ей все то, о чем просила я? Почему отмерил ей счастья полной мерой, а со мной всегда поступал, как с ребенком, которого сажают за стол и спешно убирают все, к чему он потянется? Разве я недостойна счастья?

Эсфирь Давыдовна говорила, что счастье — это труд и смирение, но я трудилась никак не меньше Марьяши! И не мечтала о чем-то неисполнимом. Все, что мне нужно, — это счастливая семья».

Она понимала, что чувство, обуревающее ее, называется завистью, но ничего не могла с собой поделать. И от этого настроение портилось еще сильнее.

Как обычно, в зале Марьяша встала рядом с Вероникой. Она вяло отпрыгала разминку, а потом с видимым удовольствием устроилась на коврик и стала небрежно помахивать могучей ногой.

«Зачем ходить, если на занятии валяешь дурака?» — желчно подумала Вероника и, стиснув зубы, приступила к третьему подходу упражнения на яго-

дичные мышцы. Это было сложное упражнение, мало кто мог продержаться до третьего подхода, поэтому Вероника с чувством законной гордости поглядывала на поверженные тела. Она всегда доделывала упражнение до конца, как бы трудно ни было, но сейчас, глядя на ленивую Марьяшу, вдруг подумала: «К чему этот героизм?»

Подруга тем временем вытащила на свет божий мобильник, до этого надежно припрятанный между пышными грудями.

— Что? — громко спросила она, думая, что за музыкой ее никто не слышит. — Не будете ставить диагноз без старых стекол?.. Мало ли что было раньше, я хочу знать, что вы видите сейчас! Главное — есть рак или нет, в деталях потом разбираться будем... Я понимаю, что трудно! Но если что, поедете на комиссию по изучению неправильных гистологических диагнозов! С собой возьмете теплые вещи и сухарей на три дня. Я серьезно говорю, давайте уже заключение, мне с пациенткой делать что-то надо!

— Вот робкий патанатом нынче пошел! — пожаловалась она Веронике, хлопком закрывая мобильник. — Жметя, как девушка на выданье.

— Такая специфика! — От физического напряжения Вероника еле могла говорить. — У меня сестра гистолог, так они иногда всем моргом по десять раз стекла пересмотрят, пока к правильному заключению придут. Это даже при плановой гистологии, а об экспресс-биопсии я вообще молчу. А за границей, прежде чем ставить диагноз, стекла рассылают трем врачам и сравнивают три независимых заключения.

— Вот нашему бы так! Мало своих случаев, так еще за двумя другими докторами пересматривать. Глядишь, и хамить бы времени не нашлось.

Тут Марьяше снова позвонили, и она, забыв про фитнес, принялась выговаривать кому-то:

— Госпитализировать... Нет, в коридор не надо. Если нет мест в общих палатах, положите пока в отдельную... Ну и что, что проститутка? Работает ведь человек, а у нас всякий труд почетен... В отдельную, я сказала! Тоже еще, монашки нашлись, — рассердилась она и опять громко хлопнула телефоном. — Воинствующая добродетель.

— Марьяш, а зачем ты ходишь на занятия? — спросила Вероника, когда они втроем, вместе с Марьяшиным мужем, посещавшим тренажерный

зал, расположились на крыльце клуба покурить. — Мне кажется, вовсе не ради фигуры.

«Посмотри же наконец, на какой жирной и рыхлой бабе ты женат!» — такой скрытый смысл содержала эта невинная фраза, но супруги его не разгадали.

Они переглянулись и хихикнули.

— У нас там дети шпилятся, — пояснила Марьяша.

— Что-что они делают?! — уставилась на нее Вероника.

— Дочку замуж выдали за курсанта, а у нас маленькая двушка, комнаты смежные. Вот и уходим вечерами из дому, пусть молодые побесятся. Сначала мы просто гуляли или в кино шли, а потом ты сказала, что ходишь на спорт, так я подумала: почему бы и нам не ходить?

— А вы зятя, может быть, и прописали? — замирающим голосом спросила Вероника.

— Ну да, а что делать? Мы пожили, пусть теперь дети поживут.

Этого Вероника уже совсем не могла вынести. Пробормотав, что очень спешит, она побежала ловить машину и даже не предложила подвезти супругов. Сердце разрывалось от зависти теперь уже не к Марьяше, а к ее дочери. Ну за что ей такая мудрая и понимающая мать, за какие заслуги?

Вероника Смысловская мыла посуду после завтрака на Диминой коммунальной кухне. Соседи поглядывали косо — по какому праву она, посторонняя женщина, занимает раковину? — но делать замечания не осмеливались. Тощая Люба, впрочем, выражала негодование взглядом, пытаясь генерировать волны презрения к Веронике, женщине без штампа в паспорте, остающейся ночевать у мужчины. Это было частью ритуала. Миллеру, ясное дело, ничего не стоило самому помыть посуду, которой после здорового завтрака было немного, но Веронике нужно было показать, что она вовсе не презирает скудный быт своего любовника.

Поразмыслив, она отправила расползшуюся губку в помойное ведро и взяла из шкафчика новую, не уверенная, что столь смелый поступок не вызовет у Димы раздражения. С ним никогда нельзя было чувствовать себя спокойно, и в то же время он был так тоскливо предсказуем... «Либо обидится, что я хозяйничаю, либо решит, что я так намекаю на его неаккуратность, и тоже обидится. С другой стороны, этим фрагментомдохлой кошки мыть тарелки невозможно, и если бы я оставила все как есть, он вполне мог бы упрекнуть меня в нечистоплотности... Как с ним сложно. Как с ним сложно!!!»

Додумать эту горькую мысль ей помешали звонки в дверь. Она, никогда не жившая в коммунальных квартирах, не сосчитала их количество, но, увидев, что соседки как ни в чем не бывало продолжают заниматься своими делами, поняла, что гости пожаловали к Диме. Что ж, двенадцатый час, не так уж и рано.

Сама она уже много лет жила так, что в любой момент была готова предстать перед посторонними людьми и предъявить к осмотру свое жилище, но вот Миллер... Задача, пожалуй, сложнее, чем про губку для мытья посуды. Имеет ли она право открыть дверь, то есть решить за Диму, принимать ему гостей или нет? А вдруг он не хочет, чтобы его знакомые знали, что она ночует у него?..

— Вы собираетесь открывать или думаете, что здесь для вас есть специальные швейцары? — с невыразимым сарказмом спросила Люба, и Вероника, радуясь, что сложную проблему решили за нее, защелкала древними замками.

Она никогда не промышляла квартирными кражами, но даже ей было ясно, что замки давно следует поменять. Сам Миллер и тот управлялся с ними с трудом, полностью концентрируясь, чтобы уловить момент, когда «штырек пошел».

Штырек пошел, и Вероника распахнула дверь, на радостях даже не поинтересовавшись, кто пришел.

На пороге стоял Ян Колдунов с женой и ребенком — подростком мужского пола. Это немного смутило Веронику, знавшую, что подобных экземпляров в широком ассортименте колдуновских детей вроде бы нет... Или она, эгоистка несчастная, забыла?

— Приятный сюрприз! — сказала она, целуясь с супругами. — Проходите, сейчас сварю кофе.

— И дай что-нибудь пожрать! — Колдунов подтолкнул ребенка в коридор. — Мы сегодня проспали и не успели позавтракать.

— А куда вы спешили? Выходной же, — сказала Вероника, чтобы скрыть охватившую ее зависть. Колдунов так пылко посмотрел на свою Катю, что невозможно было не понять, отчего они проспали.

— Петьке рентген надо было сделать. Этот оборот челюсть сломал, представляешь?

— Как это он ухитрился? Упал?

— Ага. На чей-то кулак. И, кажется, не один раз. — Катя нежно посмотрела на ребенка, будто он получил не увечье в драке, а как минимум Нобелевскую премию по физике.

Колдунов приобнял мальчика, и тот широко улыбнулся, обнажив проволочную конструкцию,

фиксирующую нижнюю челюсть по отношению к верхней.

— Зато брекетy в ближайшее время не понадобятся, — засмеялась Вероника. — Только я не знаю, чем угостить молодого человека. У нас ни бульона, ни кефира... Сок если только. Что ж ты такой драчливый? — спросила она у подростка.

— А каким еще ему быть? — ответил за него Колдунов. — Это же Елошевичей сынок.

Вероника немного напряглась. «Прежде чем выйти за Елошевича, его нынешняя жена Наташа считалась невестой Миллера. Правда, они расстались по Диминой инициативе... Значит, этот мальчик Петя — Наташин сын, — сообразила она, — Елошевич приходится ему отчимом... Или он его усыновил?»

— По сравнению с Елошевичем любой средневековый дуэлянт покажется маменькиным сыночком, — пояснил свою мысль Колдунов. — Думаю, когда Толя появился на свет, акушер, имевший неосторожность шлепнуть его по попе, тут же получил сдачи пяткой в нос. Вот теперь Петюнчик династию продолжает. Сколько я на него зеленки извел, ты не представляешь!.. Слушай, а что ты нас в коридоре держишь? Или Димка спит еще? Если мы неудачно пришли, ты так и скажи.

— Нет, что вы! — спохватилась Вероника. — Очень хорошо, что пришли. Заходите в комнату.

— Мы с восьмью утра на ногах, устали ужасно, — пожаловался Ян, — а еще нужно по магазинам пройтись.

Колдуновы вошли в комнату, сняли куртки и повесили их на вешалку в углу — Вероника ненавидела эту вешалку, придававшую комнате невыносимо сиротский, неуютный вид. Но в ответ на предложение купить гардероб или шкаф-купе Дима всегда отнекивался, уверяя, что в ближайшем будущем коммуналку обязательно расселят и глупо покупать вещь, которая может не поместиться в новом жилище. Вероника считала, что нужно не ждать подарков от судьбы, а либо с доплатой менять комнату на квартиру, либо благоустраивать то, что есть. На это Миллер обычно отвечал, что не нуждается в советах, и разговор прекращался. Конечно, разумнее всего было бы зарегистрировать брак, и тогда он мог бы поселиться в ее питерской квартире. Но, увы, он не готов был оказаться хоть в какой-то зависимости от Вероники...

При виде гостей Миллер, работавший за компьютером, вежливо встал и пересел на диван, показывая, что готов к общению. По его сдержанному

приветствию невозможно было понять, рад он Колдуновым или раздражен тем, что ему помешали заниматься.

— Что вы собираетесь покупать? — спросила Вероника у Кати. — Я тоже, может быть, с вами пройдуся, если возьмете.

— Да мы за детскими вещами собрались, — сказала та и тут же смутилась, вспомнив, что у Вероники нет детей. — На них все просто горит, — затараторила она, чтобы сгладить неловкость, — и мы еще обещали девочкам лошадь купить.

— Живую? — удивилась Вероника.

— Не лошадь, а волшебный Пегас! — сказал развалившийся на диване Ян. — Сколько раз тебе повторять.

— Это набор такой для Барби, — объяснила Катя. — Принцесса Аника у них уже есть, вот лошадь теперь надо. То есть волшебный Пегас.

— Но они же у вас уже взрослые. Сколько им, тринадцать? — мысленно подсчитала Вероника. — И они еще в куклы играют?

— Пусть лучше в куклы играют, я тебе скажу, — сурово произнес Ян.

«А я вот в тринадцать лет читала Воннегута и Цвейга, — грустно подумала Вероника, и, разуме-

ется, мечтала встретить великую любовь. А еще я всерьез интересовалась всякими философиями, ни названия, ни сути которых уже не помню, и считала себя совершенно взрослым человеком. Кажется, это называется «метафизическая интоксикация». Но ведь и раньше рядом со мной не было ни одного человека, который бы интересовался, какую игрушку мне хочется иметь. Может быть, поэтому я и ударилась в философию?»

— Детство должно продолжаться столько, сколько ему положено, — будто подслушал ее мысли Колдунов. — Вот говорят: раннее взросление! Да, нынче они начинают половую жизнь чуть ли не в двенадцать лет, но это еще ничего не значит. Это всего лишь более продвинутый уровень игры в дочки-матери. Вот я, помню, в начальной школе с девочкой дружил, так мы к ней домой после уроков приходили и играли в мужа и жену. Разогревали суп, обедали, делали уроки, а потом — Петька, не слушай! — раздевались до трусов и ложились в кровать. Дальше мы просто не знали, что делать. А если бы в те времена по телевизору показывали то, что теперь, я бы, думаю, не растерялся.

— Мы тоже так думаем, — полным яда голосом произнесла Катя.

— Так что, чаю нальют в этом гостеприимном доме? И, позволю себе повториться, я бы поел чего-нибудь.

Вероника вышла на кухню. «Ян прав, — думала она, поставив чайник на плиту, — люди, рано вырванные из детства, не вырастают более устойчивыми к невзгодам, как это принято считать. Они просто наращивают защитную скорлупу, под которой так и остаются детьми. Если бы я в тринадцать лет играла в куклы, вместо того чтобы пытаться переосмыслить Библию, возможно, мои представления о мире были бы более реалистичными. Правда, девочки Колдуновых перенесли больше горя, чем я, но остались, насколько я могу судить, добрыми и уравновешенными детьми. Почему? Любовь, наверное. Искренняя, самоотверженная любовь Кати и Яна помогла им справиться. Родительская любовь, как морилка, — мысленно усмехнулась Вероника, — если обработаешь ею кусок дерева, то он сто лет простоит, а если нет — быстро сгниет, или его жучки сточат».

Она бросила в кипящую воду макароны и принялась тереть сыр. Это было все, что она могла предложить Колдунову. Мальчика же, с его конструкцией во рту, и вовсе было нечем кормить. Подумав, она стала делать гоголь-моголь.

Тем временем нетерпеливый Колдунов пришел на кухню и принялся требовать свою еду. Вероника сунула ему в руки тарелку с макаронами.

— А кетчуп?

Она молча подала бутылку. Он подозрительно уставился на этикетку.

— С уральским хреном? Мило. Слушай, а можно я здесь поем? Я вообще-то хотел поговорить с тобой наедине.

— Хорошо. Подожди, я отнесу чай и буду в твоём распоряжении.

Она взяла тяжелый поднос с высокими бортами — кажется, антикварная вещь баснословной цены, доставшаяся Миллеру от аристократических предков — и, мысленно извинившись перед нарисованным китайским драконом, поставила на него чайник, сахарницу, вазочку с печеньем и Петькин гоголь-моголь.

Колдунов взял у нее поднос и отнес его сам, Веронике осталось только расставить на столе чашки. Мимоходом она отметила, что мальчик ожесточенно жмет кнопки своего мобильного, а Миллер и Катя увлечены беседой об особенностях исполнения бетховенских сонат. Это была их любимая тема: Миллер неплохо разбирался в классической музы-